

УДК 101.1:316

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА И «НЕУСВОЕННОЕ НАСЛЕДСТВО»

Полемические заметки

С.К. Шайхитдинова

Аннотация

Автор статьи размышляет, как «неусвоенное наследство» XX в., выраженное в проблеме избыточности власти в жизни обществ (М. Фуко), определяет пути гуманитарной экспертизы. За востребованностью-невостребованностью этого жанра и метода познания обнаруживается, по мысли автора, готовность-неготовность социума к раскрытию смысла гуманитарности. С обращением к конкретному опыту экспертной деятельности рассматривается, как в этом вопросе обстоят дела в постсоветской России.

1. Проблема не в методе, а в идее

Несколько лет назад в Тюмени была выпущена научно-публицистической монография «Этика политического успеха». Ее авторы – известные российские ученые В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов и В.А. Чурилов – выдвинули доктрину этики успеха, амбиция которой заявлялась как «определение реального места ценности успеха в современной и постсовременной морали и поиск оснований для вывода о возможности намеренного культивирования идеалов, норм и ценностей этики успеха в современной России» [1, с. 22.]. Авторы подчеркивали, что доктрина, предлагаемая ими для участия в диалоге идей, носит этический характер. Это связано с тем, что успех рассматривается ими как итог именно индивидуального достижения. А человек в этом случае неизбежно попадает в поле импровизации, риска, конфликтных ситуаций, и, следовательно, – морального выбора. В этой логике закономерен вывод о востребованности в обществе «малых» нормативно-ценностных систем, культивирующих этико-прикладное знание, которое опирается, прежде всего, на метод гуманитарной экспертизы и консультирования.

Таким образом, понятие гуманитарной экспертизы обрело во второй половине девяностых годов свои концептуальные основания. Формат особого взаимоотношения этического знания и «игрового космоса» жизни получил аргументированно обоснованный социальный заказ. Были сформулированы требования к правилам диалога между субъектом, проводящим экспертизу, и субъектом морального выбора, заинтересованного в этой акции; обозначены предметные особенности экспертизы «до востребования», когда представление о «заказчике» выходит за пределы конкретных участников анализируемой ситуации. Были намечены способы борьбы с бюрократизацией освоения результатов экспертизы; определено основное поле напряжения в становлении жанра:

между его элитарностью и демократичностью, и т. д. [1, с. 376]. Размышления и выводы, к которым пришли авторы монографии, с нашей точки зрения, ни в коей мере не потеряли актуальности, потому что во многом опередили время, в которое мы жили тогда, и время, в которое мы живем сейчас.

Если соотносить с «перестроечным» десятилетием сегодняшнюю политическую жизнь страны, то можно говорить о наступлении своего рода «ледникового периода». Однако жанр гуманитарной экспертизы выжил. Общественными, правозащитными организациями в настоящее время осуществляются и планируются интересные сетевые проекты, в которых есть такие действующие лица как эксперты. По итогам реализованных программ выпускаются книги, представляющие собой сборники экспертных заключений, каждое из которых претендует на мини-исследование. Но, быть может, именно эти попытки активного подключения искомого жанра и метода познания на службу российскому обществу и обнаруживают то, что было не проявлено в девяностые: ни профессиональным сообществам, ни широкой общественности квалифицированная гуманитарная экспертиза сегодня не нужна. Общественное мнение молчит, инициатива активистов не становится прецедентом. Отчасти это связано со снижением авторитетности интеллектуалов в современной культуре. Но главное, думается, не в этом. По существу, за востребованностью-невостребованностью гуманитарных экспертиз обнаруживается готовность-неготовность социума к раскрытию смысла гуманитарности. (Надо ли доказывать, что *идея гуманитарности*, «способы» соотношения ее динамичного содержания с конкретной культурной традицией, с одной стороны, и с прагматичным цивилизационным опытом – с другой, – это и есть то основание, на котором вызревает национальная идея).

Таким образом, тема гуманитарной экспертизы актуальна и в узком – технологическом – смысле, и в смысле предельно широком, когда под вопрос ставятся гуманитарные основания нашего бытия. Важно понять, что одно не возможно без другого. И это уже перестает быть делом отдельно взятого эксперта. Мой собственный опыт автора экспертных заключений, осуществляемых по обращениям физических и юридических лиц, а также впечатления от общения с коллегами свидетельствует, что тот, кто вступил на эту стезю, нуждается в «обратной связи», которая выражается, в частности, и в постоянном обмене наработанными знаниями, и в коллективном обсуждении «стандартов» экспертной деятельности.

Однако каковы могут быть «стандарты», если первое определяющее слово у этой деятельности – «гуманитарная»? Представляется, что в решении этого вопроса надо исходить из того, что метод гуманитарной экспертизы придуман не нами и уже давно опробован в других странах. Известны и проблемные участки на этом пути. О них и пойдет речь.

2. «Танцуют все!»

Одна из последних дискуссий, затронувших тему гуманитарной экспертизы, состоялась в конце июня текущего года в Доме журналистов на конференции, завершающей проект «Экспертно-консультационный центр по медиа-этике» (автор и руководитель Ю.В. Казаков). Участниками дискуссии стали жур-

налисты из различных регионов, проводившие в течение полугода мониторинг СМИ на предмет нарушений профессиональной этики, а также приглашенные эксперты, прежде всего работники вузов, которые высказывали по текстам, отражающим типичные ситуации, свое мнение. Спор разгорелся вокруг вопроса о том, как определять жанровую суть экспертизы. В. Бакштановский, руководитель тюменского Центра прикладной этики, один из авторов монографии, со ссылкой на которую начинается данная статья, высказывал опасения относительно того, что если убрать из определения этого жанра слово «мнение», то мы получим претензию кучки людей («экспертов») на возможность судить-рядить о том, что есть морально, а что – нет. Его выступление начиналось с провокационного обращения: «Привет, самозванцы!». Зал на провокацию не поддался и выдвинул встречный тезис: эксперты взваливают на себя бремя ответственности за свою точку зрения, которая чаще всего не совпадает с общепринятыми позициями, а высказывание критичного мнения – это не самозванство, это – поступок.

Так кто же такие эксперты – «самозванцы» или «самовыдвиженцы»?

Думается, ответ на этот вопрос во многом предопределен предлагаемым нами тезисом о том, что экспертиза представляет собой жанр и метод, возникновение которого закономерно, оно подготовлено общественным развитием.

Можно сказать, что наступило время экспертов. Как объявил герой одной популярной в советское время комедии, «Танцуют все!». Каждый из нас в чем-то эксперт. Распространению термина способствовали средства массовой информации. В телевизионных ток-шоу экспертом при обсуждении жизненных историй, общественных проблем избирается «один из нас» или же слово дается слушателям из зала. И это не просто режиссерский ход или воля создателей программ. Это признак демократизации института мнений, когда обществу представляется значимым суждение «простого человека», который на позициях здравого смысла оценивает то, что он услышал от субъектов высказывания, будь то такие же, как он, будь то специалисты, будь то интеллектуалы. Сам смысл передач формата ток-шоу заключается в том, что одним из важных «экспертов» в обсуждении актуальных вопросов жизни становится общественное мнение.

В сфере потребления, где вещи – «телесные» и «виртуальные» – рассматриваются строго функционально, требование к методу экспертизы выше. От суждений, просвещающих нас в этом жизненно важном для нас мире вещей, мы справедливо ожидаем компетентности и ответственности. Одна из причин, проясняющая наблюдаемое повышение роли такого рода знаний, связана прежде всего с тем, что в век высоких технологий, смещающих сведения о полезности-вредности вещей и продуктов на молекулярный уровень, человек уже не может довериться своим органам чувств. (То же относится и к информационному продукту, технологии создания которого профессионально учитывают скрытые психические характеристики потребителя). Попросту говоря, велика опасность подделки. Вторая причина, определяющая потребность общества в консультировании и экспертных заключениях в сфере потребления – высокая динамика технологического и технического прогресса. Время пожизненных авторитетов прошло: сказанное вчера сегодня уже не работает. Экспертиза при-

звана аккумулировать всегда «свежее», прагматически ориентированное знание. Третья причина связана с растущей специализацией сфер деятельности. Узкие специалисты нуждаются в интегрирующих знаниях, нацеленных на междисциплинарные вопросы. Четвертая причина определена тенденцией рынков к монополизации и к сворачиванию пространства важной для людей информации. Эксперт призван раскрыть ее и донести.

Честная экспертиза всегда противоречит чьим-либо интересам. Поэтому к обозначенным выше характеристикам экспертного знания – компетентное, ответственное, прагматически ориентированное, интегрирующее – добавим, что такое знание должно быть мировоззренческим. Именно это последнее и определяет, с нашей точки зрения, типологическое место экспертизы в историческом развитии методов познания.

Методы познания, которыми располагает современное общество, стали интенсивно развиваться в Новое время. Интенция к Просвещению сместила путь к истине от Божественного откровения к научному исследованию. Истина превращается в достоверность представления, и в соответствии с этим точкой отсчета в познании становится человек. М. Хайдеггер замечает: чем радикальнее человек распоряжается покоренным миром, «тем неудержимее наблюдение мира и наука о мире превращаются в науку о человеке, в антропологию» [2, с. 51]. В это же время формируется гуманизм как «этико-эстетическая антропология», предполагающая интерпретацию и оценку сущего от человека и по человеку. Все это ведет к тому, что принципиальное отношение человека к сущему формируется как *мировоззрение*. Именно с того времени это слово, согласно М. Хайдеггеру, проникает в язык. Чтобы исключить его толкование как бездеятельное разглядывание мира, в XIX в. стали подчеркивать, что мировоззрение характеризует жизненную позицию.

Представим себе на минуту, что проект Просвещения развился согласно его гуманистической интенции – восторжествовал Человек разумный, устремленный к высвобождению своих духовных сил. Как должно при этом выглядеть то крыло познавательной деятельности, которое непосредственно связано с практикой? Очевидно, люди, обладающие мировоззренческими позициями, будут обмениваться знаниями, обращая эти знания как к конкретному «заказчику», так и к обществу в целом. Эдакий непрекращающийся обмен экспертными заключениями, рынок компетентных, ответственных мнений, рынок мировоззрений.

Однако мы живем не в просвещенном обществе, а в массовом. В нем ощущим недостаток мировоззренческих позиций и избыток конформизма. В нем правит бал не этика политического успеха инициативных, мыслящих граждан, а социальные интересы, порожденные отношениями господства-подчинения. В этом контексте эксперт кажется подозрительным: «А кому он служит?». «Да кто он такой?!»

За страхом самозванства сокрыт страх власти.

3. Осторожно: экспертократия

У XX века, по мысли М. Фуко, есть неусвоенное наследство – вопрос о власти, который в связи с явлениями фашизма и сталинизма, стал вопросом для

всего мира. Основной трудностью, с которой пришлось столкнуться XIX веку, были нищета, экономическая эксплуатация. Завещая марксизм в качестве основного инструмента для понимания этого явления, «XIX век обещал нам, что в тот прекрасный день, когда, наконец, будут решены все экономические вопросы, разрешатся и все последствия сопутствующей им избыточной власти. И что же произошло? XX век выявил противоположное...» [3, с. 281]. В стремлении исследовать историю механизмов власти и особенности их функционирования западная мысль приходит к выводу, что никакое господство в виде классового подавления, государственных структур, каким бы репрессивным аппаратом оно ни располагало, не смогло бы удерживать – непрерывно и мягко – власть над индивидами, если бы у этого господства не было укорененности в малых властных отношениях: отношениях силы, противостояния, которые пронизывают все наше общество – между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, между тем, кто знает, и кто – не знает и т. д.

Частью этого механизма избыточности власти является производство истин. В современном обществе вроде нет «высшей инстанции». Однако существуют такие области, в которых достижение истины, ее «действие» полностью закодировано: процедуры, через которые люди могут приходиться к высказыванию истин, известны заранее, упорядочены. Характерным примером является наука. Чем более она теоретична, тем отчетливее она интегрирована в первичные отношения власти – отношения доминирования и подчинения [3].

Институционализация научной истины служит появлению «новой породы людей». На смену интеллектуалу универсальному, «персонифицированному выразителю всеобщности», ведущему свое происхождение от законника, от того, кто власти, деспотизму, злоупотреблениям противопоставлял справедливость правосудия, пришел интеллектуал-специалист [3]. Риск избыточности власти кроется, таким образом, не в душах сумасшедших ученых, обуреваемых, подобно героям плохих голливудских кинолент, жаждой господства над миром, а в «производственном» способе легитимации истины. Его основой является «техническое» – предельно рационализированное – мышление. На это указывал еще М. Хайдеггер: «Ученый эрудит исчезает. Его сменяет исследователь, состоящий в штате исследовательского предприятия. Это, а не культивирование учености, придает его работе острую злободневность. Исследователю уже не нужна дома библиотека. Кроме того, он везде проездом. Он проводит обсуждения на конференциях и получает информацию на конгрессах. Он связан заказами издателей. Они теперь заодно определяют, какие должны быть написаны книги» [2, с. 47]. Во второй половине XX века социологи констатируют в западном обществе неочевидный, но чрезвычайно содержательный сдвиг: функции контроля переходят от субъекта собственности к субъекту технической рациональности.

Но в концепции технократии как власти технической элиты виделась односторонность: «производственник» сидел теперь не только в менеджерских отделах. Продолжает скудеть и выхолащиваться романтика старого университета, хранившего некогда питаемую им же духовную мощь: «Университет теперь актуален как учреждение, которое еще в одной, своеобразной, ибо в административно закрытой форме делает возможными и обозримыми как тяготение наук

к разграничению и обособлению, так и специфическое единство разделившихся производств» [2]. К восьмидесятым концепция технократии сменяется концепцией экспертократии. В основе этой концепции лежит теория «нового класса», под которым понимается группа высокообразованных специалистов, чей доход не определяется собственностью, но прямо пропорционален интеллектуально-творческому потенциалу. На этой базе сложилось направление неотехнократизма, на котором научно-техническое развитие мыслится как один из определяющих факторов социального процесса. Эксперты призваны осуществлять оценочное и – при необходимости – корректирующее вмешательство. При этом выдвигается нормативное требование параллелизма технической и гуманитарной экспертиз любых инноваций [4, с. 1142].

Распространяющейся угрозе институционализации истины может противостоять только деидеологизация науки, которая «не будет выражать практику, толковать ее, прилагаться к практике», а сама станет практикой. Развивая эту тему, Ж. Делез высказался против всякого представительства (стремления говорить от имени кого-то), в том числе и в теории: «Теория это нечто вроде ящика с инструментами... Надо, чтобы она служила, надо, чтобы она работала. И причем не ради себя» [3, с. 69].

Однако теория, двигаясь к практике, теряет автономию, что справедливо и по отношению к интеллектуалу-специалисту. Он сталкивается с опасностью ограничиться локальными требованиями, он может стать объектом манипуляции. Иначе говоря, тот, кто призван быть экспертом, обнаруживающим след власти там, где его не замечает обычный взгляд, становится бессилён перед тем, чтобы самому не стать ее орудием. Замкнутый круг? Время размыкает его на свой манер: наука, превращаясь в «ящик с инструментами», теряет академическую автономию, а вместе с ней теряет и репутацию «производителя истины».

Итак, современный теоретик не может априори претендовать на высокий авторитет эксперта. В особенности это касается гуманитарной сферы, в которой возмнить себя интеллектуалом-специалистом сегодня может любой. Не ведая, что творят, руку к этому приложили средства массовой информации. И прежде всего телевидение. Именно оно имеет обыкновение эксплуатировать способность голубого экрана к возвышению банального рассуждения обывателя в статус экспертного заключения: «...Когда ведущий на радио или на телевидении вам что-либо объявляет, независимо от того, верите вы или не верите, все это начинает действовать в головах тысяч людей как истина исключительно потому, что это произнесено таким вот образом, таким тоном, определенным лицом и в определенное время» [3, с. 291]. Усиливающим фактором при этом является не столько уровень компетентности субъекта высказывания, сколько градус его популярности.

4. Перед лицом медиа-идолов

О тотальном вторжении в нашу повседневность средств коммуникации, об их растущей способности к сокрытию своей агрессивности высказано немало компетентных экспертных оценок как со стороны теоретиков, так и со стороны практиков. Таким образом, проблема заключена, скорее, не в способности разглядеть факты информационного насилия, а в том, чтобы этой способностью ов-

ладело как можно больше потенциальных потребителей медиа-продукции. Эта проблема особо актуальна для российского общества. У нас отсутствует банк «антивирусного противоядия», столь необходимый для защиты населения от псевдоэкспертного ока «большого брата» в лице средств массовой информации.

Источником такого противоядия служит, по нашему убеждению, гуманитарная традиция, пространство которой в нашей стране десятилетие за десятилетием не только не увеличивается, но и сужается. XX век, – свергнувший человечество в мировые войны, отяготивший его изобретением атомной бомбы, приблизивший к опасной черте в гонке вооружений и открывший лик новой разновидности агрессии в лице терроризма, – стал испытанием для всего мира. Вопрос в том, какой из всего этого извлекается опыт. И если область политики не дает нам стойких убедительных примеров большего преодоления избыточности власти «у них» в сравнении «с нами», то область теоретического знания, прежде всего – социально-гуманитарного – свидетельствует: мы очень отстаем. Одна из основных причин, с нашей точки зрения, – отсутствие преемственности в развитии культуры. В России практически каждое новое поколение отрицает культурный опыт предыдущего. И это не диалектическое отрицание, а тотальное: «старый мир» всякий раз разрушается практически до основания. На Западе от переживших свой век теорий и ценностей в целом освобождаются без потрясений, постепенно оттесняя их на периферию общественной жизни, но и не забывая при этом сохранить содержащееся в них рациональное зерно. Поэтому «там» есть школы, есть последовательное продвижение по намеченному пути.

Прежде чем выделить для примера два существенных направления в развитии западной социальной мысли, которые, с нашей точки зрения, питают сегодня идею гуманитарности в цивилизованном мире, обратим внимание на то, что содержание этой идеи в настоящее время переосмысливается. Это происходит в связи с неведомым классическому времени изменением социальной природы человека. Последнее, как указывают обществоведы и культурологи, обусловлено виртуализацией социальной реальности. Данный процесс носит объективный характер. И дело здесь не только в неминувости прогресса средств связи. Дело – в самой природе социального, в его «склонности» к «овнешвлению». Позволим себе ссылку на Питирима Сорокина. Характеризуя типологическую специфику социального явления в предметном ряду научного знания, он указывал, что это такое взаимодействие, которое имеет «психическую природу и реализуется в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы» [5, с. 66] в виде объективированного мира, подвергающегося символизации.

Это определение, выделившее «внутренне-психическую» и «внешне-символическую» стороны социального явления, выглядит сегодня особо актуальным. В лаконичной форме оно формулирует отношение, которое может таить в себе опасность, если социализация личности проходит под большим влиянием средств коммуникации. Эта опасность обусловлена изменением вектора отношения: не от переживания к символу, а от символа – к переживанию. Очевидно, что векторность второго рода в принципе характерна для феномена культуры как символического мира, формирующего и определяющего в том числе и

«внутренне психическую» жизнь населяющих этот мир людей. Однако речь идет о такой инверсии отношения, которая инициируется с манипуляционными целями. Социальные символы теряют при этом метафизическую укорененность в реальном мире, они конструируются.

В связи с этим современные эксперты говорят о «разыгрывании» жизни, подменяющем ее подлинное проживание. В результате сложились предпосылки к тому, что «симулякры», вносимые, подобно вирусу, средствами коммуникации в символический универсум, стали исполнять определяющую роль в событиях наших дней (Ж. Бодрийяр). Мы сами участвуем в этом процессе. Появление подобных форм «символического насилия» (П. Бурдьё, М. Кастельс) и призвана разоблачать гуманитарная экспертиза. Одним из участников решения этой задачи на Западе является семиология в лице постструктурализма с его гуманизмом культурного различия, оппонирующего иерархическому единству классического общества (К. Леви-Строс), которое эволюционизировало к 60-м годам XX столетия в «агрегат» матричных отношений подчинения и доминирования.

Сегодняшние критики постструктурализма указывают на то, что он с его тотальной тенденцией к систематизации способствовал дальнейшей «математизации» реальности, что он приблизил «смерть субъекта». Упреки справедливы, но только в том случае, когда речь идет о претензии этой области знания занять позиции целостного мировидения. Если же постструктурализм рассматривать как методологию, полномочия которой оговорены по отношению к четко обрисованным дискурсивным практикам, то следует признать, что возможности базирующихся на этой методологии способов распознавания кодов символической власти неоспоримы. В социальной теории структуральный анализ потребления стал возможен в логике «обобщенного обмена знаков» [6]. Одним из позитивных следствий этого стало утверждение смысловой полифонии мира, понимание культуры как «множествования», «способности практиковать сложность и многообразие жизни» [7, с. 27]. Таково первое направление, питающее идею гуманитарности.

Не следует забывать и о том, что структурализм и далее – постструктурализм, – сформировался в виде течения мысли, оппонирующего марксизму, эвристический потенциал которого оказался недостаточен, чтобы адекватно ответить на вызовы эпохи во второй половине XX века [8]. Иначе говоря, мы имеем дело с одним из результатов переосмысления исторического материализма. Какими бы ни были итоги этого переосмысления, определенность позиции нам видится предпочтительней, чем то, что произошло в отечественной науке перестроечной России – от прежних методологических схем отстранились, а противопоставить им по существу нечего. И понятно, почему: в советской моноидеологизированной сфере значимые альтернативы мысли не вызревали.

В противовес этому на Западе всегда существовали оппозиционные друг другу направления, в лоне которых социально-гуманитарная проблематика, несмотря на кризис теории объекта в лице марксизма, продолжала свое эволюционное развитие. Если на одном конце провозглашалась «смерть субъекта», то на другом, напротив, субъект все более субъективировался и в конечном счете – трансформировался в «Другого». Это понятие в продолжение всего XX столе-

тия развивалось и утверждалось в феноменологии, экзистенциализме, моральной философии, пока не стало для современной науки одним из ключевых. На нем, как представляется, базируется второе направление, питающее идею гуманитарности. Здесь осваивается этикоцентристская концепция человека, способного к ответственности и самопреодолению. Утверждается, что «человек – это прежде всего распространенное во времени усилие, постоянное усилие стать человеком» [7, с. 26]. Можно только догадываться, как обогатилось бы понятие «Другого», соприкоснувшись с гуманистическим потенциалом русской философской мысли, полет которой был прерван советским периодом.

Вернемся к приведенной выше двойкой характеристике социального явления в виде психического переживания и символической объективации. Подчеркнем, что П. Сорокин дистанцируется при этом от узко понимаемого психологизма. Он обращается к понятию разума, говорит о «чисто субъективном самобытии Духа» и об «объективированном бытии того же Духа» [5, с. 76]. Фактически молодой ученый, тогда еще гражданин России, продолжая интенцию Просвещения в ее гегелевском воплощении, обозначил две позиции, которые можно рассматривать как точки отсчета для дальнейшего развития теории субъекта и теории объекта в западной мысли. С известной долей упрощения можно сказать, что «субъективное самобытие Духа» в лице «Другого» и «объективированное бытие того же Духа» в виде символической тотальности «Текста» (дискурсивных практик) легли в основу теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, расширяющей пространство гуманитарной традиции в сферу социальных реалий нового тысячелетия. Конечно, и на Западе массовое общество далеко от понимания того, насколько глубоко наука продвинулась в осмыслении «проклятых вопросов». Но для популяризации «нужных» знаний существуют эксперты, готовые взять на себя этот труд не «по долгу службы», а по долгу совести. В любые времена именно просвещение помогает людям духовно окрепнуть перед лицом испытаний, которые несет им прогресс цивилизации.

5. К опыту экспертного заключения: тень «неусвоенного наследства»

В современной России тень «неусвоенного наследства» заслоняет перспективу в большом и в малом: отношения силы, противостояния пронизывают все наше общество – от семьи до государства. Неотъемлемой частью этой системы являются средства массовой информации. Отношения зависимости и доминирования, которые внедряются в общественное сознание агентами массовой культуры – тема особая. В нашем случае ограничимся примером из сферы институциональных отношений. «Вертикаль власти» укреплять нет необходимости, поскольку то, что сложилось еще в советский период, никто и не разрушал. Обратимся к проекту «Образы власти, бизнеса и гражданского общества в региональных СМИ». Проект был инициирован Фондом защиты гласности в 2004–2005 годах в разных регионах России. В Казани исследование проведено в период, когда повсеместно проходили митинги против монетизации льгот. Автором этих строк с помощью студентов отделения журналистики Казанского госуниверситета произведен мониторинг шести выходящих в Казани общественно-политических изданий, одной новостной программы местного радио и двух новостных программ местных телекомпаний. Интересны не только выво-

ды исследования, но и то, как они были восприняты заинтересованной аудиторией. Но сначала – к выводам.

Вне зависимости от формы собственности источника информации и его позиционирования на информационном рынке главным персонажем является власть. Анализ «книг стилей», сложившихся в источниках информации по этому поводу, позволяет выделить три основные причины, которые обусловили главенство образа власти.

1. СМИ отражают такое положение дел, когда львиная доля сфер общественной жизни обнаруживает присутствие власти. Это присутствие выражается как а) монополизация ресурсов и способов их распределения (к примеру, городской и республиканский бюджет; информационные ресурсы); б) соучастие или прямой контроль (бизнес); в) символическое присутствие (сфера культуры). Иными словами, на «след власти» натыкаешься повсюду. Этот «след» наиболее отчетливо оставляет та ветвь власти, которая обладает для своего доминирования наиболее развитой инфраструктурой и ресурсами – а именно власть исполнительная в лице министерств, комитетов, инспекций и пр. и их представителей. СМИ объективно отражают это положение дел. Поэтому безоговорочное первенство по числу упоминаний практически во всех источниках информации держат структуры и персоналии исполнительной власти.

2. Выбор «книги стилей» позволяет источнику информации либо смягчить «след власти», либо подчеркнуть его. Исследование показало, что стратегия СМИ в этом вопросе определяется несколькими факторами:

а) Тип собственника (учредителя). В государственных СМИ образ власти доминирует не только потому, что «такова жизнь», но и потому, что этот образ зачастую неосознанно конструируется как доминантная сила самими журналистами. В более 90 процентах случаев власти приписывается роль «организатора решения проблем».

б) Технологические особенности подготовки материалов. Мониторинг свидетельствует, что в региональных электронных СМИ образ власти доминирует в большей степени, чем в среднем в печатных СМИ. К примеру, у ТК «Эфир» и газеты «Восточный экспресс» собственник – одно и то же частное лицо. Однако в информационных программах ТК «Эфир» персонажи власти составляют большинство сюжетов. Это отчасти обусловлено, на наш взгляд, тем, что новостные блоки на телевидении опираются на репортажи, событийный характер которых диктуется прежде всего официальной хроникой: съемочные группы снимают открытие «мероприятия», снимают выступление «значимых персон» и убегают, чтобы успеть к вечеру смонтировать материал. Газетчики, не связанные такой жесткой оперативностью, зачастую берут информацию с того же мероприятия постфактум, нет необходимости (если этого не требует учредитель) сосредоточиваться на его ритуальной стороне. Важно и то, что в газетный материал еще надо вчитаться, а телевизионные сюжеты «у всех на виду» – быть критичным при развитом «телефонном праве» на экране сложнее.

в) Профессиональное сознание большинства журналистов регионального уровня отражает состояние массового сознания населения страны, находящегося под влиянием идеи об особой значимости власти и властных персон. Практически отсутствует противопоставление гражданской позиции (позиции журнали-

ста) и власти: журналисты как граждане отчуждены от общественной жизни. Их основные роли в публичном пространстве: транслятор, фиксатор, констататор. В то же время исследование доказывает, что выявленное в СМИ преобладание «нейтральной» оценки происходящего представляет собой неотъемлемое условие утверждения идеологии, обеспечивающей укрепление вертикали власти.

г) Национально ориентированные региональные СМИ видят в лице местной власти гаранта национального развития и поэтому поддерживают ее. Таково одно из выражений существующей в Татарстане патерналистской традиции в отношениях власти и населения. Эта традиция неосознанно поддерживается русскоязычными СМИ, которые лишены возможности критиковать местные властные органы и потому, если и отражают конфликт «власть-население», то, – обращаясь к федеральной власти. Доля персонажей федеральной власти несравнимо мала, но отрицательная оценка их встречается чаще.

3. Образу власти нет возможности ничего противопоставить. Проведенное нами исследование зафиксировало региональное выражение политической ситуации в стране: бизнес и гражданские инициативы находятся в зачаточном состоянии и полностью зависимы от власти. Власть не дает им развиваться самостоятельно. Факты, свидетельствующие об этом, позиции по этому поводу не попадают в публичное пространство в силу отсутствия свободы слова.

6. К опыту экспертного заключения: «Глава указал на недостатки...»

Итак, во времена дикого рынка вертикаль власти дала новые побеги. Приучение населения к новоявленным властным отношениям – цель современных идеологий. Исследование показывает, что средства информации являются активными участниками их продвижения в «массы». Основной принцип здесь – распределение ответственности между участниками процесса. При этом участников становится все больше и больше, так что доля личной ответственности начинает стремиться к нулю: процесс, что называется, «идет», а «виноватых» нет.

Однако так ли стихийен этот процесс? В ходе мониторинга выявлены основные способы обеспечения главенства образа власти в публичном пространстве региона. Это именно «способы». Их можно отнести к технологиям информационной политики, то есть к сфере, которая подлежит контролю и управлению:

1. Персонажи власти чаще всего персонифицированы (до 50%). Любой представитель власти имеет имя, фамилию (в казанских СМИ не принято использовать инициалы – как правило, указывается полностью имя), имеет должность, обозначение которой создает ощущение четких обязанностей и пространства ответственности: «начальник отдела по делам национальностей аппарата администрации г. Казани», «начальник Управления по обеспечению рационального использования и качества топливно-энергетических ресурсов в Республике Татарстан» и т. п. Персонажи бизнеса и гражданского общества в этом плане проигрывают. В особенности трудно персонифицировать представителей стихийных гражданских инициатив: это люди «с улицы», нет у них удостоверяющей их гражданскую инициативность документа, не прописаны у них обязанности. Слово им дается в блиц-интервью, их мнение принимают по телефону.

«Проходной», необязательный характер подобного рода материалов известен. Человек, представляющий население, это не человек власти, это «один из...».

2. Персонажи власти это всегда акторы. Их ведущая сюжетная роль – организаторы решения проблем. Даже если они пассивно сидят на совещании, не выступают, есть ощущение их причастности к решению государственных вопросов. Статус республики обуславливает содержание официальной жизни: коллегии министерств по животрепещущим вопросам развития региона, приемы послов зарубежных держав, масштабные акции... Все это входят в контраст с темами, которые, с подачи ряда СМИ, волнуют население.

3. Власть институционализована. Это значит, что отношения различных структур власти строго функциональны, у представителей разных уровней власти – свои роли. СМИ воспроизводят эту матрицу. Программный, предсказуемый характер этого рода отношений ведет к тому, что информирование в некоторых СМИ носит характер анонсов. То есть редакция получает «план мероприятия» и преподносит его в виде «новости». Происходит существенная экономия времени и трудовых затрат – присутствие журналиста на данном мероприятии ничего ведь не даст: существует необходимость отражать ритуальную часть встреч, а она проходит «по плану», поэтому может быть изложена и ДО события.

4. Институциональные отношения подменяют реальные отношения людей. Эту ситуацию волей-неволей конструируют сами СМИ, ограниченные в возможности собственной интерпретации данных. Таким образом, происходит бюрократизация реальности: по ролевой модели совещаний и коллегий конструируется жизнь, а не наоборот. Примеры характерны особенно для практики электронных СМИ. Когда сюжетную основу их информационных программ составляют официальные мероприятия, они вынуждены смягчать официоз разговорной лексикой.

5. Критика конкретных подразделений власти и их представителей звучит только из уст самой власти – «вышестоящих органов». Это создает ощущение, что существующие проблемы – не ее вина, а вина конкретных людей, их плохой работы. Власть контролирует ситуацию, из ее уст звучит оценка событий, их прогноз и программа исполнения. В «книге стилей» ряда СМИ новостные сюжеты складываются из выдержек выступлений официальных лиц. Если же в СМИ возникает необходимость высказаться по отношению к власти критически, то критикуются «управленцы», «чиновники», «кабинетные работники» – власть в целом, без конкретизации.

6. Новостные сюжеты с участием важных властных персон проходят через все СМИ, повторяются из выпуска в выпуск в течение дня. К ним возвращаются ведущие информационных передач в конце недели или в ее начале – по итогам минувшей недели. Повторы и напоминания о событиях с участием персонажей власти создают впечатление их значимости.

Теперь обратимся к персонажам бизнеса. В государственных СМИ они практически отсутствуют или упоминаются с подачи персонажей власти (должностное лицо в очередной раз указало на необходимость поддержки малого и среднего бизнеса и пр.). В изданиях с акционерной формой собственности темы, связанные с бизнесом, не рассматриваются как социально значимые.

Публикации, посвященные отдельным фирмам и бизнес-организациям, носят, как правило, рекламный характер, хотя и не имеют на это указаний. Случается, что прослеживается тема связи бизнеса с криминалом. Пример выдержки из интервью с владелицей сети кафе «Сытый папа»:

«Когда я вижу братву, стоящую у алтаря в одном из Раифских храмов, я понимаю, что вера в Бога – это единственное, что может увести их на путь истинный. Сейчас много бизнесменов поворачивается в сторону религии» («Хозяйка империи вкуса» // «Время и Деньги». – 16.02.05).

Отношения бизнеса с властью явно не прописаны, представлены как патерналистские со стороны власти. Основной конфликт в этой сфере – между местной властью и «неместным» бизнесом. К «москвичам», «пришельцам» относятся с подозрением, они и зарабатывают отрицательную оценку.

По способам самовыражения татарстанские СМИ вписаны в достаточно устойчивую типологическую матрицу: есть издания, выполняющие роль слугителя власти, но есть и издания, которым предписана роль защитника обездоленных. Таковым изданием с момента своего выхода является газета «Вечерняя Казань». Именно в нем образ гражданского общества представлен рядом различных персонажей, в то время как в других СМИ, включенных в исследование, гражданские инициативы не просматривались как инициативы: население выступало в большей степени в роли жертвы или «блаженного Фомы», которому все нипочем.

Образ гражданского общества нельзя в отличие от образов власти и бизнеса заподозрить в ангажированности. Он реалистичен, а значит, неоднозначен и противоречив. В анализировавшийся период можно выделить следующие ряды персонажей: а) митингующие пенсионеры (электронные СМИ в освещении «льготных бунтов» во второй половине февраля не участвовали); б) сходы жителей близлежащих деревень; в) партии и движения (казанские СМИ фиксируют незрелость этого крыла гражданских инициатив, отсутствие согласия и идеологические противоречия); г) культурные инициативы граждан (их освещение характерно прежде всего для СМИ на татарском языке). Гражданские инициативы в СМИ почти всегда оцениваются положительно. Сюжетные роли неоднозначны: есть и «спаситель», и «жертва», и «организатор решения проблем».

7. К опыту экспертного заключения: «Зачем нам это надо?»

Исследование проведено, экспертные оценки высказаны. Кому они адресованы? Общественности. Гуманитарная экспертиза «до востребования» в праве называться гражданской. В нашем случае «обратная связь» была запланирована: представленные выше выводы в июне этого года оглашены в Казани перед слушателями Школы публичной политики. Слушатели представляли общественные организации, бизнес и государственные структуры. После презентации данных мониторинга состоялась дискуссия. Аудитория разделилась на тех, кто «принял» экспертные оценки, и тех, кто «не принял». Остановимся на последних. Приведем характерные суждения.

Представитель журналистских кругов, главный редактор одной из газет, попавших в мониторинг, в категорической форме возражал против каждого из выводов по «книгам стилей». Суть возражения: «Нельзя обобщать, нельзя ста-

вить рядом лояльные по отношению к власти издания и издания оппозиционные по отношению к власти. Мы – газета деловых кругов, вообще о власти пишем редко. Стараемся, работаем, а вы выводите какие-то среднестатистические данные и на этом основании “причесываете всех под одну гребенку”».

Представитель общественной организации, ориентированной на работу с молодежью, был недоволен отсутствием «руководства к действию»: «Предыдущий докладчик предложил конкретные меры по решению проблемы, которую он поднял. Все четко, все понятно. Что предложили Вы? Как нам быть с тем, что Вы огласили? Где выход? Кто его укажет?».

Представитель государственной структуры поддержала лидера молодежной организации, но со своей позиции: «Я специально приехала из другого города на Ваше выступление. Думала, накануне муниципальных выборов у нас, получу из Вашего сообщения об «образах власти, бизнеса, гражданского общества» конструктивную информацию. И что же? Похоже на то, что врач сообщает родителям больного ребенка: температура такая-то, анализ крови такой-то... А что с этим делать?».

Здесь мы вновь возвращаемся к роли эксперта и к задачам гуманитарной экспертизы. Должен ли эксперт давать конкретные рекомендации по решению проблем, которые он обнаружил в предмете экспертизы? С нашей точки зрения, это необязательная часть его работы. Эта часть как раз и может называться «мнением» эксперта, которое по его желанию или оглашается, или нет. Думается, по жанру экспертиза – это прежде всего исследование. И субъективизма в нем быть не должно. Здесь уместно процитировать отечественного ученого Геннадия Батыгина, который, обращаясь к научным работникам, говорил «о самом трудном в нашем ремесле»: «Не отстаивать свое “мнение” (у нас мнения вообще не должно быть), а привести все аргументы против всех, в том числе против самого себя». В своей констатирующей части экспертное заключение вскрывает проблему, которая не лежит на поверхности, но существенно определяют социальные практики. В проективной части делается прогноз относительно того, как будет развиваться ситуация.

В рамках приведенного исследования об «образах власти, бизнеса и гражданского общества» проблема связана с «неусвоенным наследством». (Среди тех, кто не удовлетворился представленными данными, было распространено мнение, что и проблемы-то нет никакой: «Погодите, под эгидой сильной власти постепенно сформируются структуры гражданского общества, они научатся быть самостоятельными, докажут, что опека им не нужна, и власть отпустит их, подобно тому, как отец отпускает повзрослевшего ребенка в самостоятельную жизнь...»). Это «наследство» будет заслонять ближайшие десятилетия возможность демократической перспективы. «Виновато» общественное сознание, еще с советского периода выстроенное вокруг пресловутой вертикали. Отдельными мероприятиями здесь не помочь.

Способность к автономии сохраняет только такое сознание, которое имеет опору внутри себя – опору в гуманитарной традиции, сутью которой является отстаивание человека и человеческого перед опасностью вовлечения в отношения доминирования и подчинения, в каком бы облике они ни пытались возродиться. Однако богатейшая гуманитарная традиция в нашей стране почти век

испытывает на себе политические репрессии и идеологический прессинг. Один из результатов – у российской общественности нет опыта дискуссий по проблеме гуманитарности, нет опыта освоения ключевых понятий и идей. Добавьте сюда снижение авторитета интеллектуалов, неверие в компетентность экспертных оценок, которые с начала девяностых годов неоднократно обнаруживали свою несостоятельность в социальной сфере, и портрет общества, остро нуждающегося в конструктивном знании, но не способного его воспринять, – готов.

Summary

S.K. Shaikhidinova. Humanitarian expertise and “indigested heritage”. Polemical notes.

The author considers the issue related to the method and genre of humanitarian expertise. It is founded on the applied ethical knowledge relevant to the post-Soviet Russia. However, at present, neither professional communities nor public, in general, need a qualified humanitarian expertise. One of the reasons for the distrust in experts in this country is the fear of authorities. The institutionalization of truth brings to the forefront expertocracy which, due to its status, becomes entitled to judge public projects. Furthermore, mass communications play their role when they present a trite judgment as an expert one. The humanitarian tradition is an antidote for the power of media idols. However, its domain in Russia has not grown but decreased over the last decades.

From the author’s point of view, the relevance/irrelevance of humanitarian expertise shows willingness/unwillingness of social groups to reveal the meaning of humanitarianism. The author points out two directions in the development of the Western social thought that, according to her, currently nourish the idea of humanitarianism in the civilized world, i. e. detecting the symbolic totality of the Text and its overcoming by the moral philosophy of “The Other”.

The author devotes the last third of the article to the analysis of her personal experience as an expert.

Литература

1. *Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А.* Этика политического успеха. – Тюмень, М.: Центр прикладной этики, 1997. – 747 с.
2. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
3. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – 382 с.
4. *Всемирная энциклопедия: Философия.* – М., Минск: Аст, Харвест, Современный литератор, 2001. – 1314 с.
5. *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. – 448 с.
6. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. – М.: Библион, 2003. – 266 с.
7. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. – М.: ЛОГОС, 2004. – 272 с.
8. *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме: На путях исторического материализма. – М.: Интер-Версо, 1991. – 272 с.

Поступила в редакцию
14.09.05

Шайхитдинова Светлана Каимовна – доктор философских наук, заведующая кафедрой журналистики Казанского государственного университета.

E-mail: Svetlana.Shaihitdinova@ksu.ru